

Люксембург Роза

**Избранные сочинения Роза
Люксембург**

Том 1. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р64

Р64 **Роза Л.**
Избранные сочинения Роза Люксембург: Том 1. Часть 2 / Люксембург Роза –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 256 с.

ISBN 978-5-519-94475-5

ISBN 978-5-519-94475-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ¹

Падение кабинета Бриссона и, в особенности, порядок дня палаты депутатов, послуживший причиной его падения, показали в яркой недвусмысленной форме, в чем заключается кардинальный вопрос, вокруг которого вертится общественная жизнь современной Франции: это — борьба буржуазной власти, т. е. республики, с военной властью. Это явление — борьба между буржуазной республикой и ее собственной армией, огромная роль, которую военная власть в последнее время играет во Франции, — должно, собственно говоря, показаться на первый взгляд странным. Было бы ошибкой считать нынешнюю кампанию высших начальников армии против республики непосредственным монархистским заговором. Само собою разумеется, что монархизм старается использовать кризис в своих интересах, и при первом благоприятном повороте он может очень легко появиться на сцене и при известных обстоятельствах даже одержать победу. Однако главную роль в современном кризисе играет не монархизм, а армия, военная власть, как таковая, которая ведет отчаянную борьбу с республикой. Речь идет о самом существовании, о кровных интересах высшей военной власти, а монархизм выступает лишь как ее естественный союзник в борьбе против республиканской гражданской власти. Армия играет теперь самостоятельную роль во Франции, и это имеет огромное историческое, мы сказали бы, симптоматическое значение.

Не в первый раз приходится в истории наблюдать такое явление, когда военная власть, этот орган, созданный для охраны и обслуживания всего общественного организма, начинает вести за его счет самостоятельное существование и обращается против своего собственного общества. Такое зрелище представляет нам древний Рим последних столетий, когда преторианское войско стало властителем государства, возводило императоров на престол и низвергало их, опустошало и грабило свою страну, как вражескую. Ту

¹ Sächsische Arbeiterzeitung от 29 октября 1898 г.

же картину мы видим в прежней Польше уже в XVII веке, когда армия хозяйничала в стране хуже турок, вела на свой риск внешнюю политику и стала пугалом гражданской власти и всего общества. И каждый раз это явление служит верным, безошибочным признаком разложения данного общества. Всякий общественный организм функционирует нормально лишь до тех пор, пока различные его органы правильно выполняют свои функции и субординируются своему целому. Но когда общество начинает разрушаться, то это выражается прежде всего в том, что отдельные его органы и, в первую очередь, орган внешней обороны — армия вырождается в самодовлеющую власть и вместо того, чтобы служить обществу, обращается против него и ускоряет его разложение. Но так как фактическая армия, как таковая, не имеет особых своих интересов, обусловленных материальным строением общества, то такое самостоятельное выпячивание интересов армии означает не что иное, как коррупцию, личный режим, расцвет самых низменных частных интересов в армии.

Это же явление мы видим и в современной Франции. Дело Дрейфуса получило такое огромное значение лишь потому, что послужило гнойником, выявившим политическое и моральное гниение, которое охватило французскую армию. И если именно во Франции коррупция армии зашла так далеко, как ни в одной другой капиталистической стране, то это является, между прочим, результатом республиканской формы правления во Франции, которая, с одной стороны, проводит в самой чистой форме отделение гражданской власти от военной, а с другой — в качестве адекватной политической формы развития буржуазного общества ускоряет также разложение этого общества. И современная буржуазная Франция стоит совершенно беспомощно против дерзко поднимающей голову военной власти. Агрии, точно так же как и высшие финансовые круги, всегда и с давних пор настроенные монархически, видят в милитаристском засилии прямую поддержку для своих антиреспубликанских планов. А широкая масса буржуазии, партия республиканских плутократов, так тесно связана с армией тысячь нитей — семейными узами, общею коррупцией и, прежде всего, страхом перед пролетариатом, — что не может решительно выступить против нависшей угрозы военной диктатуры, ибо тем самым нанесла бы раны самой себе.

Такое положение приводит периодически к власти мелкобуржуазную радикальную партию. Будучи сама ублюдком, каким-то промежуточным образованием между буржуазией и пролетариатом, она призвана, с одной стороны, разложением буржуазии, с другой — бессилием пролетариата к роли спасителя буржуазной республики, гибну-

щей от собственной своей несостоятельности. Осложнения, связанные с Панамским каналом, привели к власти кабинет Буржуа, дело Дрейфуса — кабинет Бриссона.

Но именно промежуточный характер мелкобуржуазного радикализма, навязывающий ему периодически роль спасителя республики, лишает его, с другой стороны, возможности быть на высоте этой роли. Для буржуазии он, со своей программой социальной реформы, слишком радикален, слишком мало буржуазен, пролетариат же для него слишком революционен. Поэтому, когда доходит до дела, буржуазия всегда предаёт радикальное правительство, а радикалы предают пролетариат. По той же причине радикальная партия не может иметь в парламенте прочного большинства; она держится на поверхности только благодаря случайному большинству и парламентским уловкам. Но внутреннее чувство собственного бессилия имеет последствием то расслабленное, неуверенное, трусливое поведение радикальных правительств, которым они систематически в короткий срок сами себя губят. Современный мелкобуржуазный радикализм все еще совершенно тот же, каким был за полвека, когда Маркс его изображал в своем «Восемнадцатом брюмера»: он начинает свою работу с шумной увертюры, чтобы при первом подходящем случае найти повод к собственному поражению и исчезнуть со сцены. Кабинет Буржуа ухватился за лишенный значения и силы вотум недоверия сената, чтобы повернуться спиной к парламенту и бежать с поля сражения. Бриссон, доверивший наиболее важный и опасный пост — военное министерство — одному генералу, вместо того чтобы занять его самому, пал вследствие предательства этого генерала.

Радикализм не может спасти буржуазную республику, как не может ее спасти и оппортунистическая буржуазия.

При данном положении, на долю французского пролетариата, как сейчас и во всех почти капиталистических странах, выпадает задача принять на себя защиту буржуазных исторических достижений от самой буржуазии. Буржуазная республика, которая не имеет для пролетариата даже самых жалких социальных реформ, которая угощает борющихся рабочих пулями, которая бешено преследует его профессиональные организации, продажная, прогнившая буржуазная республика имеет в настоящее время единственного верного и надежного стража в лице пролетариата. В палате депутатов одна только социалистическая фракция, по крайней мере в лучшей своей части, несмотря на все предательства, шатания и промахи радикальной партии, каждый раз до последнего момента оказывает ей неизменную поддержку. Но сама социалистическая фракция слишком слаба, чтобы надолго обеспечить правительству

существование, а с другой стороны, при наличной своей силе она недостаточно сомкнута и едина, чтобы располагать надлежащим влиянием на политическое положение страны.—Франция оказалась в безвыходном тупике; и так как данная полная противоречий ситуация не может найти разрешения в рамках буржуазной республики, то должна искать выхода в периодических кризисах и калейдоскопической смене правительств. Республика имеет теперь труп в собственном доме — дело Дрейфуса, и, не будучи в состоянии собственными силами его удалить, она рискует задохнуться от миазмов его разложения.

Социальная и политическая жизнь Англии внушила Эдуарду Бернштейну убеждение в прочности и несокрушимости буржуазного общества, в предстоящем ему еще длительном периоде развития. Из английских условий он сделал вывод, что буржуазное общество еще слишком сильно, внутренне здорово и жизнеспособно, чтобы рабочий класс был в состоянии в близкое время поколебать его основы. Современная Франция представляет картину, которая ведет к диаметрально противоположным выводам. Во Франции господство буржуазии находится уже в таком состоянии разложения, что оно сейчас уже составляет угрозу для нормального существования общества и повергает социальную жизнь в хронический кризис. Франция — страна, где буржуазное общество разрушается не слишком медленно, а слишком быстро, где социальный распад буржуазии опережает развитие пролетариата, а не наоборот. Мы не видим во Франции политически зрелого рабочего класса, который при наличии сильного и несокрушимого буржуазного строя был бы в состоянии взять в свои руки управление политической жизнью, а, наоборот, совершенно расшатанное общество, кормило которого ждет крепкой и уверенной руки, между тем как рабочий класс численно далеко еще не организован и не настолько самостоятелен, чтобы овладеть положением. Шаблонизирование в вопросах общего буржуазного развития оказывается в корне ложным. Если Англия может импортировать прочностью своих буржуазных институций, то Франция должна внушать ужас своим преждевременным разложением буржуазии.

Но из современного положения Франции можно извлечь еще другой урок. Именно в этой гибнущей стране, для существования которой буржуазный строй уже сейчас стал угрозой, которая уже сейчас носится как судно без руля в порочном круге разложения, крупная промышленность прогрессирует гораздо меньше, чем в других крупных западно-европейских странах, и наиболее еще сильны мелкое ремесло и средние слои. Если расшифровать социальные судьбы Франции только на основании ее промышленной ста-

тики, то пришлось бы заключить, что Франция находится еще в первоначальной стадии своего буржуазного развития, что ей предстоит еще колоссальный путь здорового, прочного подъема. Но факты опрокидывают такое заключение и доказывают, что судить об общих путях развития общества на основании нескольких сухих цифр, это значит — заниматься мертвым доктринерством, которое никогда не бывает в состоянии охватить совокупную общественную жизнь во всей ее сложности и многогранности. Именно на примере современной Франции мы видим, что на темп буржуазного развития, на ряду с чисто экономическими факторами и совместно с ними, воздействуют факторы политические, исторические, и в такой степени, что могут свести на-нет самую хитроумную теорию о сроках жизне-способности капиталистического строя.

И, наконец, еще третий урок. Было бы смешно утверждать, что пролетариат во Франции—если бы он был к тому подготовлен—мог бы использовать современное положение для устранения буржуазного строя, не считаясь с ситуацией в других странах. Но не подлежит никакому сомнению, что в текущем кризисе он мог бы сыграть несравненно более значительную роль и выдвинуться в классовой борьбе на лучшие позиции, чем это теперь фактически имеет место. И если что виною в том, что французский рабочий класс, благодаря своей разрозненности, отсутствию единства, нерешительности, оказался не совсем на высоте положения, то это — недостаток принципиальной ясности, социалистической подготовки, теоретического и тактического опыта. Во Франции, как и везде, в нас самих, прежде всего, должны быть созданы предпосылки для успешного воздействия на ситуацию, порожденную экономическим и политическим развитием, а для этого нужна, в первую голову, принципиальная ясность.

ТАКТИЧЕСКИЙ ВОПРОС ¹

Вступление Мильерана в министерство Вальдека-Руссо должно навести не только французских, но и других социалистов на ряд размышлений тактически-принципиального характера. Активное участие социалистов в буржуазном правительстве есть во всяком случае явление, лежащее за пределами обычных форм деятельности социалистов. Имеем ли мы здесь дело со столь же законной и целесообразной формой служения делу пролетариата, каковой является, например, деятельность в парламенте, в муниципалитете? Или это долж-

¹ Leipziger Volkszeitung от 6 июля 1899 г.

но рассматриваться, наоборот, как разрыв с тактикой и принципами социализма? Или, наконец, участие социалистов в буржуазном правительстве должно быть признано в исключительных случаях, при наличии определенных предпосылок, допустимым и необходимым, при других — вредным и недопустимым?

С точки зрения того оппортунистического понимания социализма, которое в последнее время стало проповедываться в нашей партии в теории Эдуарда Бернштейна, т. е. с точки зрения введения социализма по кусочкам в буржуазный строй, вступление социалистических элементов в правительство должно казаться столь же желательным, сколько и естественным. Если социализм можно вообще протащить в буржуазное общество контрабандным путем и постепенно, маленькими дозами; если, с другой стороны, капиталистическое государство само постепенно превращается в социалистическое, тогда прогрессивно возрастающее привлечение социалистов в буржуазные правительства является даже естественным результатом прогрессивного развития буржуазного государства, в полном соответствии с мнимым приближающимся переходом их в социалистическое большинство в законодательных органах. Если это явление соответствует оппортунистической теории, то не менее соответствует юно и оппортунистической практике. Так как основной целью ее является достижение какими бы то ни было средствами ближайших обязательных успехов, то вступление социалистов в правительство должно иметь в глазах «практического политика» значение неопенимого успеха. Каких только улучшений, смягчений и социальных штопок всякого рода не сможет провести социалистический министр!

Иначе стоит вопрос, если исходить из той точки зрения, что вводить социализм можно лишь после крушения капиталистического строя и что деятельность социалистов в настоящее время должна сводиться лишь к субъективной и объективной подготовке этого момента путем классовой борьбы. Несомненно, социал-демократия, чтобы влиять практически, должна занимать все доступные ей в современном государстве позиции, должна всюду продвигаться. Но необходимая предпосылка при этом та, чтобы на этих позициях можно было вести классовую борьбу, борьбу с буржуазией и государством.

В этом отношении, однако, между законодательными органами и правительством буржуазного государства есть одно существенное отличие. В парламентах рабочие представители, если они не в состоянии добиться осуществления тех или иных своих требований, могут все же отстаивать их, по крайней мере, тем, что продолжают оставаться в оппозиции. В правительстве же, задача которого состоит в том, чтобы

проводить в жизнь законы, т. е. действовать, нет места для принципиальной оппозиции; все члены его должны вместе непрерывно работать и должны иметь, — даже если правительство, как это с некоторого времени имеет место во Франции, является коалиционным, составленным из представителей разных партий, — принципиально-общую почву под ногами, дающую им возможность действовать, т. е. почву существующего строя, короче говоря, почву буржуазного государства. Крайний представитель буржуазного радикализма может, в общем и целом, работать в правительстве бок-о-бок с самым отсталым консервативным. Принципиальный же противник существующего строя, наоборот, стоит перед альтернативой: или на каждом шагу составлять оппозицию буржуазному большинству в правительстве, т. е. фактически не быть активным членом в правительстве — явно невозможное положение, которое должно привести или к удалению социалиста из правительства, или, в конечном счете, к тому, чтобы он делал то же, что и они, т. е. выполнял изо дня в день работу, необходимую для поддержания и дальнейшего функционирования государственной машины в любой отрасли правительственной деятельности, т. е. чтобы фактически не был социалистом, — по крайней мере, не был им в пределах выполнения правительственных функций.

Социал-демократия, правда, имеет в своей программе много требований, которые — по крайней мере, говоря отвлеченно — могут быть приняты буржуазным правительством, как и буржуазным парламентом. Поэтому на первый взгляд может показаться, что социалист может и в правительстве, как в парламенте, служить делу пролетариата, стремясь провести в жизнь соответствующие его интересам возможные и достижимые социальные реформы. Но и в данном случае опять оказывается то, что тактикой оппортунистов обычно игнорируется, а именно, что в процессе социал-демократической борьбы дело сводится в первую очередь не к вопросу о цели, а к вопросу о средствах осуществления. Когда представители социал-демократии в законодательных органах пытаются проводить социальные реформы, то они имеют полную возможность вести одновременно борьбу против буржуазного законодательства и буржуазного правительства вообще, — что, между прочим, наглядно выражается в отклонении бюджета, — и придавать своей борьбе даже за буржуазные реформы принципиально социалистический характер, характер пролетарской классовой борьбы. Наоборот, социал-демократ, который те же самые социальные реформы проводит как член правительства, т. е. одновременно стремится к поддержанию буржуазного государства в целом, сводит свой социализм, в лучшем случае, к буржуазной демократии

или к буржуазной рабочей политике. Почему-то, в то время как проникновение социал-демократов в народное представительство способствует усилению классовой борьбы, т. е. помогает делу пролетариата, вступление их в правительство может иметь результатом лишь деморализацию и смуту в рядах социал-демократии. Представители пролетариата лишь при одном условии могут вступать в буржуазное правительство, не изменяя своему долгу, а именно, если они вступают в такое правительство с целью овладеть им и превратить его в правительство господствующего рабочего класса.

Нет сомнения, что в процессе развития или, вернее, упадка капиталистического общества могут наступать моменты, когда окончательное овладение властью для представителей пролетариата еще невозможно, но участие их в буржуазном правительстве оказывается необходимым; это бывает тогда, когда на карту поставлена свобода страны или демократические завоевания, вроде республики, а буржуазное правительство настолько уже скомпрометировано и дезорганизовано, что не в состоянии без поддержки представителей пролетариата вести за собой народ. В подобном случае представители трудового народа, само собой разумеется, не должны отказываться от защиты общего дела в угоду абстрактным принципам. Но и в этом последнем случае участие социал-демократов в правительстве должно носить такую форму, которая не вводила бы ни буржуазию, ни народ, в малейшее заблуждение относительно преходящего характера и исключительной цели их тактики. Другими словами, вступление социалистов в правительство и в этом случае не должно знаменовать солидарность их с его деятельностью и существованием в целом. Весьма сомнительно, чтобы в такой именно обстановке происходило дело во Франции, где социалистические партии с самого начала, даже не думая об участии в правительстве, изъявляли готовность поддерживать любое честное республиканское правительство, в то время как вступление Мильтерана в министерство, происшедшее, во всяком случае, без согласия на то его коллег, скорее отпугнуло их от такой поддержки. Во всяком случае, нам важно было здесь не решать специальный вопрос в связи с кабинетом Вальдека-Руссо, а вывести из наших основных принципов общую линию поведения. С этой точки зрения, вступление социалистов в буржуазное правительство нам кажется экспериментом, который может окончиться лишь во вред классовой борьбе.

Социал-демократии по существу предначертана в буржуазном строе роль оппозиционной партии; в качестве же правящей она может выступить лишь на развалинах буржуазного государства.

ЕДИНСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ¹

I

Разрозненность в социалистическом движении имеет всегда роковые последствия, единство для него всегда необходимо—этот неизменный социал-демократический тезис мог бы придать совершившемуся только что делу объединения французских товарищей окраску случайного события, которое с таким же успехом могло или должно было бы произойти на десять или пятнадцать лет раньше. Но стоит только остановиться на внутренних условиях французского рабочего движения и, особенно, на его развитии, чтобы убедиться, что и в вопросе единства всякий шаблон ведет к ложным заключениям.

Когда в конце 70 годов французское рабочее движение опять начало оправляться от сокрушительного удара, нанесенного ему падением Коммуны, оно представляло пеструю мешанину разнородных элементов. Прудонистские поборники кооперации, утописты старой школы (как Малон, основатель «интегрального социализма»), анархисты, узкие приверженцы профессионального движения, опекаемые буржуазными радикалами, бланкисты, коллективисты, наконец, бывшие борцы Коммуны, склоняющиеся к чистому радикализму,—эта пестрая смесь всех школ и программ, с сильным преобладанием идеи кооперативной самопомощи, была, так сказать, той первичной тканью, из которой должны были развиваться позднейшие социалистические организации. Это могло совершиться, естественно, лишь в процессе дифференцирования и постепенного удаления инородных (мешающих) элементов. В 1879 г., на Марсельском конгрессе, по вопросу о социалистической конечной цели, происходит отделение социалистов от приверженцев кооперации.

Вопрос о парламентской выборной программе приводит к разрыву, с одной стороны, между социалистами и анархистами, с другой—между коллективистами и POSSИБИЛИСТАМИ. Бланкисты, POSSИБИЛИСТЫ, коллективисты—это три основных группы, возникшие в процессе дифференциации, из них последняя, гэдистская рабочая партия, по своей программе и тактике была наиболее родственна германской социал-демократии.

Если в интересах выяснения и отграничения классовой точки зрения эти группировки были естественной исходной точкой современного французского рабочего движения, то в последующей стадии они стали существенной поме-

¹ Leipziger Volkszeitung от 18, 19 и 20 декабря 1899 г.

хой его развития. При этом особенно важно то обстоятельство, что в 70-х и 80-х годах французскому пролетариату незачем было предпринимать борьбу общеполитического характера: социалистические партии нашли готовыми основные политические свободы: избирательное право, право коалиций, свободу печати. Репрессии правительства в 80-х годах ограничивались по необходимости полицейскими и судебными преследованиями отдельных агитаторов и организаций, и против них можно было реагировать, даже не объединяясь для общей борьбы.

Так же мало и парламентская борьба могла создать объединяющую связь. Первые социалистические депутаты 80-х годов застали в палате депутатов господство мелкобуржуазного радикализма, в момент высшего его расцвета, и при своей малочисленности не могли развить сколько-нибудь заметной деятельности.

В качестве третьего фактора сюда присоединяется равнодушие к теоретическим спорным вопросам, свойственное французскому темпераменту, который менее склонен к умозрению, чем к осязательной деятельности. Но на практике различия между партиями, в общем и целом, становились с течением времени все менее существенными.

Прежние кооператоры были ассимилированы бланкистами и научились у них политической борьбе. Сами бланкисты приспособились к условиям третьей республики и перешли, в конце концов, всецело на социал-демократическую точку зрения, которую по временам проводили даже решительнее, чем гэдисты¹. Аллеманисты (ответвление POSSИБИЛИСТОВ), хотя теоретически и в организационных вопросах склонялись к анархизму, фактически принимали участие в парламентской работе наравне с другими политическими партиями. В профсоюзной работе гэдисты состязались с аллеманистами. И если гэдисты — наиболее сильная и влиятельная партия — имели на своей стороне преимущество научной марксистской теории, то, с другой стороны, их аграрная программа и выборные компромиссы показывали, что и они, подобно прочим партиям, умели в определенных случаях ставить актуальные успехи выше абстрактного принципа.

Таким образом, отсутствие во Франции социалистического единства вплоть до 90-х годов давало себя чувствовать гораздо меньше, чем можно было бы ожидать теоретически и, в особенности, с точки зрения немецких условий. Соответственно этому мы не видим, чтобы и до самого недавнего времени какая-нибудь из старых партий сделала

¹ Так, например, при дебатах о таможенных пошлинах группа Вайяна внесла в парламент предложение о полной отмене пошлин, тогда как гэдисты требовали использования таможенных доходов в интересах рабочего класса.